

СТИЛІСТИКА. СОЦІОЛІНГВІСТИКА

УДК 811.161.1.(045)

МУСИЕНКО Валентина Павловна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка и
литературы Киевского национального
лингвистического университета
e-mail: kafrosukr@gmail.com

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ МАНЕРЫ Л. ГУМИЛЕВА

В статье аргументируется положение о том, что исторический текст Л. Гумилева можно квалифицировать как адресатоориентированный. Показано, что повествовательность его дискурса реализуется приемами сказовости, рассказывания и пересказа, опрощения при изложении культурно-исторической ситуации, обытовления исторических фактов, снижения пафоса, апелляции к психологии современного человека при пояснении исторических мотивов, юмора и иронии.

Ключевые слова: научный стиль; повествовательная манера; языковая личность; адресатоориентированный дискурс.

Постановка проблемы. В структуре языковой личности Ю. Караулов и Г. Богин выделяют три уровня: вербально-семантический, когнитивный, прагматический [1, с. 35–37]. Уровни взаимосвязаны между собой, но при переходе от одного уровня к другому, подчеркивает Ю. Караулов [2, с. 52], необходимо учитывать экстралингвистическую информацию, детерминированную этносоциальной картиной мира. Прагматическая составляющая предполагает учет условий коммуникации (мотивы, цели, участники, условия, контекст, пресуппозиции и т. д. Важны сведения о социальных и психологических чертах личности [3, с. 16]. Поскольку прагматический уровень снимает в себе два предыдущих – не только в ситуации порождения текста, но и в контексте его восприятия, факторы жизненных, профессиональных, личных, ситуативных установок автора трудно переоценить [4]. Прагматический уровень личности предполагает знание о возможных и допустимых способах передачи смысла, обеспечивающих взаимопонимание.

Изучение языковой личности в первую очередь предполагает акцент на специфических особенностях ее дискурса. Для языковой личности автора научного текста зонами индивидуальности являются: терминологическая наполненность, интертекстуальность, включая характер отсылок и примечаний, эпистемическая модальность, синтаксическая сложность, мера экспрессии, наличие метафоричности, эмоциональности, экспликация позиции автора и читателя, отступление от научного стиля в пользу разговорности, свобода в структурировании текста, выбор манеры дискурса (дидактический, менторский, аргументирующий, поясняющий и т. п.).

Цель статьи – исследование стилистических приемов повествовательной манеры Л. Гумилева в контексте читательского восприятия.

Анализ последних исследований и публикаций. Л. Гумилев, сын двух великих поэтов, человек, имеющий огромный жизненный опыт в разных сферах, является мастером слова. Он отбирает для реализации поставленной задачи релевантную манеру письма. Почти все книги Гумилева представляют симбиоз научного исследования и художественного произведения. Он сам называл это «помесью Момсена с Майн Ридом». Это придает сочинениям черты субъективизма, диалогизма, направленности на реципиента [6].

Влияние его произведений на читающую публику (о его силе свидетельствует хотя бы наличие специального сайта «Гумилевика») не в последнюю очередь обусловлено его манерой изложения. Послужившая объектом нашего анализа книга «География этноса в исторический период», вышедшая в 1990 году, стала явлением не только науки, но обновленного, освобожденного духа. Существенная часть анализируемого текста характеризуется повествовательностью. Как замечает С. Беляков [7, с. 533], и противники Л. Гумилева, и его сторонники, простые читатели и академики – все признают его блестящим писателем, превосходным стилистом, мастером превращать историческое исследование в первосортный детектив.

Чувство слова Л. Гумилев унаследовал от своих родителей – Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Не последнюю роль сыграло обучение в хорошей школе, где преподавали старые гимназические учителя, переводческая работа, поэтическое творчество. Важным источником стилистического мастерства Гумилева был опыт лагерного рассказчика. Об этой лагерной функции упоминают многие репрессированные. Жизнь в лагерях была тяжелой и скучной, поэтому умение рассказать занятную историю очень ценилось. Так, например, есть свидетельства, что известный филолог Е. Поливанов пересказывал заключенным романы; актриса Т. Окуневская вспоминала, что ее берегли как рассказчицу и отстраняли от работы [7]. Л. Гумилев рассказывал об исторических событиях, и, вероятно, именно здесь он выработал умение говорить доходчиво и занятно. Так, одним из наиболее цитируемых произведений Л. Гумилева является «История отпадения Нидерландов от Испании» (в соавторстве со Снеговым). Это рассказ об историческом событии, стилизованный под блатной язык, ср.: *«В 1565 году по всей Голландии пошла параша, что папа – антихрист. Голландцы стали шипеть на папу и раскурочивать монастыри. Римская курия, обиженная на пахана, подначила испанское правительство...»* [6].

Природный дар рассказчика, лектора и спорщика он развивал в многочисленных экспедициях. В 80-е годы Л. Гумилев читает лекции в обществе «Знание». В 1981 году подготовил свой курс лекций для печати, но книга «География этноса в исторический период» была напечатана только в 1990 году. Это упрощенный вариант монографии «Этногенез и биосфера Земли» (1989 год). По утверждению знавших Л. Гумилева лично или слушавших магнитофонные записи его лекций, «со страниц как будто звучит подлинный голос Льва Николаевича» [7, с. 533]. В гуманитарных науках «парадоксальный тембр» находит выражение в коннотативно значимых сочетаниях слов и синтаксических конструкций, выражающих особое отношение автора к тому, о чем он пишет [8, с. 20].

Изложение основного материала исследования. Стилистические приемы повествовательной манеры Л. Гумилева направлены на сближение автора с читателем и приближение к читателю исторического материала. К специфике повествовательной манеры Л. Гумилева следует отнести и отступление автора от традиционного изложения материала в научном стиле, что проявляется во фрагментах сказовости, обытовлении исторических фактов, опрошении при изложении культурно-исторической ситуации, снижении пафоса, рассказывание, пересказ, апелляции к психологии современного человека при пояснении исторических мотивов, юморе и иронии. Эти стилистические приемы при порождении текста, свойственные обыденной речи хорошо знакомых людей, способствуют установлению и поддержанию контакта между автором и читателем. Безусловно, текст ориентирован на образованных читателей, способных оценить стилистические изюминки.

Фрагменты **сказовости** вполне релевантны при обращении к событиям древних времен, ср.:

В древности Аравию населяли разные народы, которые, по легенде, происходили от Измаила – сына Агари, наложницы Авраама, который в XVIII в. до н. э. эту Агарь вместе с сыном по наущению своей жены Сары выгнал в пустыню. Измаил нашел воду, а раз он нашел воду, то и мать напоил, и сам спасся, и пошел от него народ, «арабы», хотя они сами себя

так еще не называли. Арабы долгое время очень плохо относились к своим иудейским соседям, помня, что дети Сары воспользовались всем наследством отца, а **дети несчастного Измаила были изгнаны в пустыню. И жили арабы в этой пустыне с XVIII в. до н. э. (так датируется Авраам) до VII в. н. э. тихо, спокойно, никому не досаждая.** Такова общеизвестная библейская легенда. На самом деле было все намного сложнее [6, с. 53].

И вот в начале VII в. появился человек, называемый **Мухаммед**. Он был человек бедный, эпилептик, очень способный, но не получивший никакого образования, совершенно безграмотный. Занимался он тем, что **гонял караван**, потом женился на богатой вдове Хадидже. Она его снабдила деньгами, что и дало ему возможность стать довольно почтенным членом общества. **И вдруг** он заявил, что призван исправить пороки мира, что до него было много пророков – Адам, Ной, Давид, Соломон, Иисус Христос с Мариа́м, т. е. с де́вой Мари́ей – и все они говорили правильно, но люди все перепутали, все забыли, так вот он – Мухаммед – сейчас всем все объяснит. **И объяснил он** все очень просто: «Нет Бога, кроме Бога», – и это все. А потом стали еще прибавлять, что Магомет пророк его, т. е. Бог – это Аллах, что означает «единственный», и он говорит арабам через Магомета (Мухаммеда). **И стал Мухаммед** эту религию проповедовать.

Большинство арабов меньше всего желало с ним говорить, но образовалась кучка, сначала шесть человек, а потом несколько десятков, которые искренне ему поверили, и, главное, среди них оказались люди волевые, сильные, и из богатых, и из бедных семей.

Это были, **страшный, жестокий, непреклонный** Абу Бекр; **справедливый, несгибаемый** Омар; **добрый, искренний, влюбившийся в пророка** Осман; **зять пророка – героический боец, жертвенный человек** Али, женившийся на сестре Мухаммеда Фатьме, и другие. А Мухаммед все проповедовал, и мекканцам **это надоело**. Ведь он проповедует, что есть только один Бог, и все должны ему верить, но что же делать с людьми, которые приезжают торговать и верят в других богов. Это вообще неудобно и скучно. **И они ему сказали:** «Прекрати свои бредни».

Но у Мухаммеда был дядя, который предупредил мекканцев, чтобы те ни в коем случае Мухаммеда не трогали. «Конечно, – соглашался дядя, – он несет чепуху, и всем это надоело, но все равно он мне племянник, я же не могу его оставить без помощи». Тогда в Аравии родственные чувства еще ценились. **Но дядя** дал совет Мухаммеду: «Убегай!» **И Мухаммед убежал** из Мекки, где решили его убить, чтобы он не мешал людям жить, в Медину (тогда этот город назывался Ясриб, но после того, как Мухаммед там обосновался, он стал называться Медина-тун-Наби – город пророка, а «медина» – просто город [6, с. 57].

Общим свойством обоих фрагментов является нанизывание предложений при помощи союзов **и, а**, резкий переход от одной ситуации к другой (**но**) и нанизывание характерных признаков героев.

Наиболее частотны в тексте стилистические приемы рассказа и пересказа, который выполняет функцию введения читателя в исторический контекст, на основе которого делается концептуальный вывод. Важнейшей особенностью этих рассказов является иллюзия временного смещения: исторические герои действуют как современники читателя, таким образом, их поступки кажутся вполне понятными. Насколько это правомерно? Обычно считается, что в данной ситуации необходимо применять принцип историзма, т. е. оценивать поступки с учетом исторического контекста, а Гумилев оценивает события с учетом поведения исторических персонажей. Полагаем, что это вполне допустимо: известно, что человек физиологически мало изменился и им руководят те же страсти. Ср.:

Их покупали для гаремов. Правда, было сделано исключение для аристократок. Например, дочку персидского шаха Йездигерда продавали по ее желанию: кому она пожелает быть проданной. И перед ней шли покупатели – ближайшие **сотрудники** Мухаммеда. Шел халиф Омар – она сказала: «Нет, он очень жестокий». Осман – «Нет, он очень слабый», Али – «Очень толстый, – говорит, – не подходит»; его сын Хасан,

молодой человек, племянник пророка, сын Фатьмы – она посмотрела и говорит: «У него губы нехорошие, он сластолюбив, он будет любить не только меня, но и других женщин». Когда пришел Гусейн, она говорит: «Вот этому меня продайте, я согласна». – Тут же оформили сделку. У арабов рабовладение в это время принимало вот такие формы, которые в наше время несколько экзотичны [6, с. 61].

Как видим, стилистика отрывка напоминает пересказ сериала и сказку о выборе жениха / невесты. Следующий фрагмент по своей стилистике напоминает устный рассказ о «случае», в нем также присутствует сказочность (три условия для нового короля):

Такая война могла тянуться бесконечно. В конце концов, она надоела обеим сторонам и был предложен компромисс. Уэльсцы сказали Эдуарду: «Мы примем от тебя государя (по феодальному праву он должен был дать им государя, который бы ему сам подчинялся), но он должен родиться в Уэльсе, быть знатного рода и не знать ни слова по-английски, ни по-французски». Король велел вождям кланов явиться к нему. Те пришли. Он вынес своего двухнедельного сына и говорит: «Вот вам, пожалуйста. Он родился в Уэльсе две недели тому назад; он знатного рода – мой сын; и он не знает ни слова ни по-английски, ни по-французски». Уэльсцы согласились его принять. Это пошло на пользу и тем и другим, потому свои этнические особенности, даже язык, уэльсцы сохранили до нашего времени [6, с. 104].

Исторические рассказы Гумилева напоминают **рассказ очевидца**:

Потом, когда англичане, утомленные дневными поисками, ставили палатки и ложились спать, выспавшиеся за день уэльсцы вылезали и стреляли из своих длинных луков по палаткам и убивали спящих англичан. Те, конечно, старались побить уэльсцев, но уэльсцы убегали, за исключением тех, кого удавалось поймать [6, с. 104].

Что касается провансальцев, то они, хотя и подчинились французскому королю, но когда Людовик Святой попал в плен к мусульманам во время крестового похода, то в Марселе звонили в колокола, служили торжественные обеды и пели «Te Deum laudamus» – «Тебя Бога хвалим», за то, что этого французского короля, наконец, кто-то захватил в плен [6, с. 106].

Между строк Гумилевского текста сквозит мысль о том, что исторические личности ничем не отличаются от современного человека, а потому действуют так, как действовал бы читатель в подобных обстоятельствах. Для реализации этой стратегии Гумилев использует приемы обытовления исторических фактов, опрощение, профанацию, прямую апелляцию к психологии читателя. Продемонстрируем на примерах.

Обытовление исторических фактов:

Вот Ньютон. Он потратил свою жизнь на решение двух кардинальных научных проблем – создание механики и толкование Апокалипсиса, только это его и интересовало. Жены не завел, богатства не накопил, ничем не интересовался, кроме своих идей, жил дома с экономкой и работал. И когда король Англии Карл 11 сделал его пером, он, как добросовестный человек, ходил в парламент и высиживал там все заседания, но за все это время он сказал там только два слова: «Закройте форточку». Все остальное его не интересовало [6, с. 37]. Картинка настолько жизненна, что с легкостью принимается в качестве основания для доказательства.

В Северном Тибете такая сырость, что и кизяк гниет сразу же, не сохнет, и деревья если падают, немедленно гниют, и нечем развести огонь, хотя лесов и зверей много. Читатель видит, что проходят столетия, но проблемы у человека те же, они понятны.

Опрощение при изложении культурно-исторической ситуации:

Те, которые соблюдали старый закон и старые обычаи, назывались фарисеями, они занимались торговлей, носили длинные волосы, прекрасные расчесанные бороды, золотой обруч на голове, длинные одежды, изучали Тору, читали Библию, соблюдали все посты и обряды и терпеть не могли саддукеев, которые ходили в хитонах, брились или изящно подстригали себе бородку, причесывались по эллинскому образцу, дома

говорили по-гречески, имена детям давали такие, как Аристотель или Диомид, но никак не еврейские. Саддукеи владели землей, деньгами и командовали войсками.

Фарисеи и саддукеи ненавидели друг друга, но при этом и те и другие презирали простых пастухов и земледельцев, которые собирались где-то в пещерах Палестинских гор около Ливана, читали друг другу пророчества и говорили: «Этих фарисеев вообще не поймешь, что они говорят; саддукеи уже почти не наши, а вот здесь в пророчествах написано о борьбе духов света и духов тьмы, когда духи света победят и явится Спаситель мира, то всех спасет, римлян выгонит, а этих подлых фарисеев и саддукеев усмирят». И они ждали пришествия Спасителя. Христос пришел к ним, но «свои его не признали» [6, с. 50 – 51].

Поскольку буддисты проповедовали, что мир – иллюзия, и поскольку у тебя отнимают иллюзорные деньги, иллюзорный хлеб или заставляют тебя работать на постройке иллюзорной дороги, то тебе это все только кажется. Ты подчиняйся, так будет спокойнее. Разумеется, индусы подчинялись: раз пассионарности нет, будешь подчиняться [6, с. 64].

Изложение духовного состояния общества в приведенных фрагментах предельно упрощено, но для аргументации последующего положения вполне достаточно. Если читателю этого покажется мало, он может обратиться к специальной литературе. Избегание пафоса в некоторых местах граничит с циничностью:

Жанна Д'Арк была девушкой очень впечатлительной и очень патриотической. Несмотря на то, что она по-французски плохо говорила, она решила спасти Францию и, как известно, ее спасла [6, с. 37].

Профанация при изложении религиозных концепций:

И вдруг он заявил, что призван исправить пороки мира, что до него было много пророков – Адам, Ной, Давид, Соломон, Иисус Христос с Марией – и все они говорили правильно, но люди все перепутали, все забыли, так вот он – Мухаммед – сейчас всем все объяснит. И объяснил он все очень просто: «Нет Бога, кроме Бога», – и это все. А потом стали еще прибавлять, что Магомет пророк его, т. е. Бог – это Аллах, что означает «единственный», и он говорит арабам через Магомета (Мухаммеда) [6, с. 57].

В это время здесь уже были йоги, брамины, отшельники-аскеты, и всем этим очень заинтересовался гениальный мальчик – сын княжеского (кшатрия) рода Шакья. Звали его Сиддхарта или Шидарта. Он обошел всех мудрецов-учителей, не удовлетворился их учениями и создал свое собственное. Учение его было до крайности простым вначале и стало невероятно сложным через 2000 лет.

Заключалось оно в том, что у людей есть желания, которые порождают при неудовлетворенности страдания, а страдания ведут к смерти, к новым воплощениям и новым страданиям. Следовательно, для того, чтобы избавиться от страданий, надо ничего не желать, и тогда избежишь и страданий, и смерти. Он сложил ноги калачиком, сел под пальму и стал ничего не желать. Но это оказалось дьявольски трудно. Говорят, что ему это все-таки удалось, и тогда он начал других учить, как это делать и сотворил двенадцать чудес, потому что демон Мара (не демон Длинные Руки, а демон Мара, т. е. иллюзия) насылал на него всяких чудовищ, например, бешеного слона, блудницу и т. п. Но он с этим справился и стал «Буддой», т. е. совершенным! [6, с. 116–117].

Автор прибегает к такому приему скорее для того, чтобы показать, что главным было не новая идея (она могла быть любой), а готовность этноса к соответствующим действиям – ядро концепции этногенеза. Он пишет об этом прямо: *Лозунгом первой колониальной экспансии стало «освобождение Гроба Господня». Оно, конечно, лозунг мог бы быть выбран удачнее для того времени. Но папа провозгласил, что нужно спасти из рук неверных Палестину – Святую Землю. Все закричали: «Так хочет Бог!» и пошли. Но ведь это был только лозунг. Они пошли, потому что хотели идти. И пошли бы в любое*

другое место, с любым другим лозунгом, потому что у них был большой запас внутренней энергии [6, с. 97–98].

Юмор и ирония – это тоже способ сближения с читателем. Они возможны только при наличии пресуппозиций:

Мужество трудно сохранить. Ведь разлагаться и предаваться излишествам очень приятно; это гораздо легче, чем соблюдать верность, доблесть, жертвовать жизнью ради своей Родины. И поэтому франков постигла общая судьба. Они разлагались с такой энергией, что догнали в своем разложении все прочие германские племена [6, с. 83] (также аллюзия на разложение буржуазного общества, о котором постоянно говорили советские идеологи).

Были они германцами, хлебнувшими древнеримской культуры [6, с. 86] (ср. рус. фразеологизм *хлебнуть горя* и тотальное знание россиян о приобщении варваров к античной культуре).

Если он едет в строю и товарищ, едущий впереди, случайно уронил колчан со стрелами, а задний не поднял и не отдал, – смертная казнь; в мягких случаях – ссылка в Сибирь (монголы тоже ссылали в Сибирь) [6, с. 96] (намек на российскую действительность).

Уэльские стрелки достигли почти половины уровня военной техники Восточной Азии, потому что из монгольского лука стрела летела на 700 метров, а на 450 – она пробивала насквозь любой доспех. Ну, все-таки, Европа как-то за Азией уже тянулась и ее догоняла [6, с. 104] (парадокс на фоне современных представлений о том, что Азия отстает от Европы).

Апелляции к психологии современного человека при пояснении исторических мотивов:

Еще Мухаммед ввел запрет на вино: сам он был эпилептик и поэтому не мог пить вина, оно на него плохо действовало. Мухаммед заявил, что первая капля вина губит человека. А арабы любили вино. Так что этот запрет сильно мешал распространению ислама (современный термин и современные медицинские знания).

Став мусульманами, арабы не переменились. Они садились в закрытом дворике, чужих не приглашали, ставили большой жбан с вином, опускали туда пальцы, и поскольку первая капля вина губит человека, – стряхивали ее, а поскольку про остальные пророк ничего не сказал, – нашли выход... [6, с. 58–59], (понятные для человека стремления к закрытости, самооправданию).

Тибет – страна горная и изолированная, но изолированная довольно относительно. В V веке западная часть Тибета была населена индоевропейскими племенами, близкими к индусам. Там жили дарды и моны. Они исповедовали светлую религию Митры, но очень искусились в колдовстве и волшебстве: порчу наводили, какие-то травы у них были волшебные, гипноз, телепатия, заклинания. Всего такого у них было полным-полно, и при этом сами они были европеоидного типа. А в Восточный Тибет из Южного Китая бежали от китайцев некитайские племена, они постепенно поднимались по великой реке Брахмапутре и здесь назывались кяны. В Тибете кяны встретились с дардами и монами. [6, с. 67] (неумирающие, вечные ценности мифологического сознания).

Самое опасное место было в Чили. Туда [испанские конкистадоры] женщин не брали, потому все чилийцы сплошь метисы [6, с. 36] (комментарии излишни).

Но дело в том, что в начале тех феодалов, которые известны по литературе, – таких пышных, с плюмажами, с гербами, в латах, с большими мечами, с перчатками, которыми они били друг друга по лицу, а потом тыкали друг друга копытами, – вот таких феодалов тогда еще не было, хотя феодальные отношения были [6, с. 85] (ментальный стереотип, полученный из рыцарских романов и художественных фильмов).

Выводы и перспективы дальнейших научных исследований. Повествовательная манера анализируемого текста – специфическая черта языковой личности Л. Гумилева, благодаря которой его произведение выделяется на фоне исторического дискурса эпохи.

Она обусловлена целью дискурса – привлечение читателя на позицию автора, исповедуемым автором принципом доступности научного текста и не в последнюю очередь свободой его языковой личности: обладая набором форм языка, он выбирает из этой палитры те средства, которые способствуют коммуникативному успеху, не стремясь к чистоте стиля. Повествовательная манера Гумилевского дискурса реализуется в приемах сказовости, рассказывания и пересказа, обытовления исторических фактов, опрощения при изложении культурно-исторической ситуации, снижения пафоса, апелляции к психологии современного человека при пояснении исторических мотивов, юмора и иронии.

Перспективы дальнейших исследований усматриваем в экспериментальном психолингвистическом исследовании восприятия стилистических приемов сквозь призму повествовательной манеры анализируемого текста Л. Гумилева.

Список использованной литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: Издание 2-е, стереотипное / Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
3. Ейгер Г. В. Язык и личность: Учебное пособие / Г. В. Ейгер, И. А. Рапопорт. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1991. – 79 с.
4. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 40. – 1981. – № 4–6. – С. 325–332.
5. Языковая ментальность личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rl-online.ru/articles>
6. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л.: Наука, 1990. – 289 с.
7. Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева: [биография Льва Гумилева] / С. С. Беляков. – М.: АСТ, 2013. – 797 с.
8. Карасик В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

References

1. Karaulov, J. N. (2002). *Russian language and linguistic identity*. Edition 2, stereotyped. Moscow: Editorial URSS (in Russ.)
2. Karaulov, J. N. (1987). *Russian language and linguistic identity*. Moscow: Nauka (in Russ.)
3. Yaeger, G. V., Rapoport A. (1991). *Language and identity: Textbook*. Kharkov: KSU Publishing House (in Russ.)
4. Stepanov, Y. S. (1981). In search of pragmatics (The problem of the subject). *Proceedings of the USSR Academy of Sciences*. Ser. of literature and language. 4–6. 325–332 (in Russ.)
5. *Language mentality of the person*. Retrieved from <http://www/ri-online/ru/articles>
6. Gumilyov, L. N. (1990). Ethnic geography in the historical period. L.: Nauka (in Russ.)
7. Belyakov, S. S. (2013). *Gumilyov is Gumilyovs' son: [biography of Lev Gumilyov]*. Moscow: AST (in Russ.)
8. Karasik, V. I. (2000). *About the types of discourse. Linguistic personality: institutional and personal discourse: Sat. scientific*. Volgograd: Change (in Russ.)

MUSIYENKO Valentina Pavlovna,

Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Kyiv National Linguistic University
e-mail: kafrosukr@gmail.com

STYLISTIC DEVICES OF LEV GUMILYOV'S NARRATIVE MANNER

Abstract. Introduction. *This article argues that the historical text of Lev Gumilyov can be qualified as addressee-oriented.*

Purpose – *The study of stylistic devices of Lev Gumilyov's narrative manner in the context of the reader's perception.*

Results. *The fragments of the narrative are quite relevant when referring to the events of ancient times.*

The stylistic devices of storytelling and retelling are the most frequent in the text, with retelling performing the function of introducing the reader in the historical context on the basis of which the conceptual inferences are made. The illusion of time offset, when the historical characters act as the reader's contemporaries, is the most important feature of these stories, it makes their deeds and actions quite comprehensible.

The idea that historical figures do not differ from modern man, and therefore act as a reader would have acted in similar circumstances, takes shape in Lev Gumilyov's text. To implement this strategy Lev Gumilyov uses the techniques of simplifying the historical facts, profanity, and a direct appeal to the reader's psychology.

In all probability, the author has resorted to this method to show that it was not the new idea that served as the driving force of any historical events (any idea would go); it was the readiness of the ethnic group for a particular action – the core of the concept of ethnogenesis.

The author appeals to the psychology of modern man within the explanation of historical motifs.

Originality. *In this study we pioneer the idea that the narrative character of his discourse is implemented through narrative, storytelling, and retelling, simplification in presenting cultural and historical situations, making the historical facts more casual, reducing the pathos, appealing to the psychology of modern man in the explanation of historical motifs, humor, and irony.*

Conclusion. *The narrative style of the text under analysis is a specific feature of the linguistic identity of L. Gumilyov, due to which his literary piece stands out against the background of the historical discourse of the epoch. This style is conditioned by the aim of the discourse – to win the readers over and attract them to the author's position, by the author's principle of the availability of the scientific text to the reader, and by the freedom of his linguistic identity: having a set of the language forms, he chooses from this palette the means that contribute to the communicative success, and does not aspire to the purity of the style. The narrative style of Gumilyov's discourse is implemented through narrative, storytelling, and retelling, simplification in presenting cultural and historical situations, making the historical facts more casual, reducing the pathos, appealing to the psychology of modern man in the explanation of historical motifs, humor, and irony.*

The prospects for further research are seen in the experimental psycholinguistic study of the perception of stylistic devices through the prism of narrative manner of Lev Gumilyov's historical texts.

Keywords: *scientific style, narrative style, linguistic identity, addressee-oriented discourse.*

Надійшла до редакції 29.01.2016

Прийнято до друку 14.03.2016

УДК 811.161/2=81'23

КОРНОВЕНКО Лариса Віталіївна,
кандидат філологічних наук, доцент кафедри
російської мови, зарубіжної літератури та
методики навчання Черкаського
національного університету імені Богдана
Хмельницького
e-mail: l-kornovenko@rambler.ru

ТОЛЕРАНТНІСТЬ / ІНТОЛЕРАНТНІСТЬ У СУСПІЛЬНІЙ СВІДОМОСТІ ЧЕРКАЩАН (ЗА РЕЗУЛЬТАТАМИ АСОЦІАТИВНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ 2013–2014 РР.)

Стаття репрезентує дослідження суспільної мовної свідомості крізь призму асоціацій з урахуванням функційно-семантичної, соціальної та етнокультурологічної сфер.

З'ясовано, що до сьогодні питання опису механізмів асоціювання хоча й приваблюють лінгвістів, але докладно не розроблені. Узагальнено погляди на історію та сучасний стан вивчення проблеми в русистичі та українистичі.

У статті представлено вихідні положення, процедура й етапи дослідження, презентовано та проаналізовано результати асоціативного експерименту (2013–2014 рр.), які експлікують психологічне сприйняття значення концептосфери ТЕРПИМІСТЬ носіями певної культури. Уперше репрезентовано асоціативні поля слів-стимулів «толерантність», «інтолерантність»,